

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна

СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВО ИДЕНТИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЛКАРСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ)

В предлагаемой статье нами предпринята попытка проанализировать различные принципы художественного отражения специфики исконно национального сознания через авторскую символику. Объектом непосредственного рассмотрения избрана эпическая проза балкарцев. В данном исследовании мы стремились дать оценку символической образности исходя из степени концентрации в её семантике национального содержания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.31

В предлагаемой статье нами предпринята попытка проанализировать различные принципы художественного отражения специфичности исконно национального сознания через авторскую символику. Объектом непосредственного рассмотрения избрана эпическая проза балкарцев. В данном исследовании мы стремились дать оценку символической образности исходя из степени концентрации в её семантике национального содержания.

Ключевые слова и фразы: национальное сознание; нравственно-этический идеал; архетипический образ; символ-объект; символ-явление; эпический текст; художественная деталь; метафора; философское обобщение; реалистическая проза.

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
bolatovaatabieva@mail.ru

СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВО ИДЕНТИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЛКАРСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ)

Пути развития балкарской реалистической прозы ведут к новому для региональных литератур творческому методу освоения действительности, стремящемуся выработать критерии и средства художественного познания и психологического анализа, раскрывая сложную, подчас двойственно-противоречивую диалектику человеческой души в неперенном сопряжении с национальным историческим фоном.

В 1960-90-е годы наблюдается существенная эволюция национальной прозы в сторону реалистичности и остроты художественного конфликта. Ее характеризуют единство образа и мысли, нацеленность на содержательную полифонию, многоуровневость художественной структуры и концептуальная целостность произведений. Но, главным образом, она ориентирована на раскрытие специфики национального сознания в нравственно-этическом, философском ключе. Достижению обозначенных целей способствовало активное внедрение в художественный текст символических образов, аккумулирующих в себе концептуальную многозначность и смысловую перспективу содержания.

«Естественное тяготение творческого сознания к целостности мировосприятия – свидетельство преемственности этико-эстетических воззрений народа. Надо заметить, что в традиционном этносознании основу любого символа-объекта и символа-явления составляют образы архетипические, направленные на отражение экзистенциальных процессов – рождения, жизни, смерти» [8, с. 179]. В соответствующем контексте следует рассматривать творчество известных балкарских прозаиков Алима Тепшеева и Зейтуна Толгурова. Мотив национальной памяти также получает полновесное звучание в произведениях этих писателей. Примечательным качеством их творчества является стремление выявить устойчивую этническую модель поведения, в соответствии с которой и выводится нравственно-этический идеал.

В качестве подтверждения высказанным умозаключениям можно обратиться к содержанию повести З. Толгурова «Алые травы» [5]. Широкая ассоциативность как реализация метафоры – один из излюбленных художественных приемов писателя. Она положена в основу композиции значительных фрагментов повествовательного полотна. Жесткий реализм уравновешен в повести эмоционально-лирическими вкраплениями, цепью внутренних монологов действующих персонажей. Лексика художника избирательно точна и афористична, служит раскрытию содержания в двух аспектах – историческом и личностно-временном.

В произведении параллельно очерчены конфликт внешний (выражающийся в самом развитии сюжета) и конфликт внутренних (обнажающий противоречия, сомнения, душевные движения героев, мотивирующих их дальнейшие поступки). Благодаря сложной структуре сознания художника достигается смысловая обобщающая глубина символического образа, в предметной плоскости раскрывается его внутреннее содержание. Таков, к примеру, антропоморфный образ *шапки*, принадлежавшей одному из главных героев повести – Каракаю.

Зримая предметность, осязаемость деталей впечатляют, а смысл, вложенный в образ, интуитивно угадывается читателем. Объективность оценки художником психологического состояния героя также достойна похвал. Этому способствует и прием условности, активно реализующийся в контексте повести. Каракай – человек, в ком атрофировано чувство собственного достоинства, наблюдается подмена истинных ценностных ориентиров ложными. З. Толгуров сумел художественно конкретизировать духовную и социальную ограниченность своего героя. Его судьба – пример того, как человек утрачивает связь со своими корнями, лишается точки опоры.

Тенденция Толгунова к развернутой подаче духовного облика своих персонажей в драматическом ключе рельефнее всего обозначена в образе Каракая. Индивидуализм героя приводит к расколу в семье и становится причиной личностной трагедии. Несмотря на всю неоднозначность его фигуры в произведении, он обладает множеством достоинств, а внутренняя противоречивость Каракая придает его образу живость и искренность.

В указанном произведении «автор оперирует тщательно подобранными символами, заключающими в себе большую смысловую нагрузку» [1, с. 465]. Писатель заинтересован в выявлении предыстории характеров, в показе духовной эволюции личности и первопричин ее поступков, в отслеживании видимых трансформаций сознания.

Вереница наслаивающихся друг на друга сквозных образов-метафор, наивысшая концентрация ассоциативности, умение выявить связь предметов и явлений – плодотворные качества толгуновской прозы. Символ и философское обобщение образуют в повести нерасторжимое единство. В стилистике писателя простое сравнение несет двойную смысловую нагрузку. Конструктивные элементы повести сцеплены единой идеей и аргументируются концепцией автора. Емким отражателем этой идеи является образ *шапки* – как символ утерянного достоинства, попорченной мужской чести, растоптанной и униженной предательством самого героя.

В сознании горца, воспитанного на традиционной этической модели поведения, оставшийся без шапки подобен бродяге. Позволить сбить с себя шапку – все равно, что позволить плюнуть в седую бороду. Образная атрибутика Толгунова символична вдвойне, поскольку в ней одновременно выявляется несколько параллелей. Упавшая шапка олицетворяет собой, как было уже сказано, унижение, грехопадение, потерю мужской чести. Символический образ наводит на мысль о бессмысленном существовании Каракая. Шапка становится проекцией своего хозяина, его опредмеченной аналогией: эта добротная, красивая шапка лежит у ног Каспота, как лохматая нестриженная овца. Также и Каракай – высокий, статный, крепкий мужчина бежал от опасности, смалодушничал, не исполнив своего предназначения. Оба они неприкайны, обречены на бесславие и презрение окружающих. Герой сам сделал шаг к пропасти, к самоуничтожению, разрушив свой дом, нарушив хрупкое равновесие в нем. Его поступку нет прощения, ибо по его вине отцовская *Поляна* (символ, олицетворяющий родину) отдана на разорение, обагрена кровью близких людей. Эта метущаяся, падшая душа нигде не находит пристанища. Измученный запоздалым чувством вины, скитается по земле Каракай. Его внутренняя раздвоенность и эмоциональный надлом впечатляюще воспроизводятся художником. Как и хозяин, *шапка* гонима всеми. В трактовке образа *шапки* очевиден аллегорический подтекст. В данном случае антропоморфный образ намеренно гиперболизирован. Емок и впечатляющ её внутренний монолог, призванный усилить драматизм и напряженно-эмоциональное восприятие содержания повести.

Национальный характер и его неоднозначное проявление в людях – один из ключевых вопросов, затрагиваемых в данном произведении. В подаче писателя самооценка и оценка человека определяются с точки зрения его отношения к Родине.

Символы, составляющие костяк толгуновской поэтики, это по большей части аллегории-параллели, метафоры-олицетворения. Они созвучны устной народной традиции. Для писателя важна экспрессия в образном выражении и рациональном познании мира. Его художественная система складывается из самых различных по качеству мыслей и чувств, с расстановкой в определенной иерархической позиции.

Символика, реализованная на концептуальном уровне, характеризует и «Белую шаль» [7, с. 695]. Развивая в повести тривиальный любовный сюжет, автор нацелен на исследование нравственных категорий, выразителем которых становится символический образ *шали* (в национальном сознании – знак духовности и чистоты девушки-горянки). Неким продолжением смысловой многозначности образа *шали* стало «Белое платье» [6]. В своем новом романе писатель продолжает развивать ранее избранную проблематику. *Белое платье* главной героини Аскерхан подается в качестве символического эквивалента женской добродетели. Через подобные детали писатель явственно обозначил нравственно-этический кодекс поведения в горском обществе.

В романе «Мост Сират» [4] другого балкарского автора - А. Тепшеева многие события приобретают характер «ритуального действия», наделенного символическим смыслом. «Так, в концептосфере горца дерево прочно ассоциируется с метакодом жизни, с порядком...» [3, с. 169]. В подобном ракурсе следует рассматривать образ *Могучей Сосны*, соединяющей два мира (реальность и жизнь после смерти). Интересна и интерпретация образа *Родниковой долины* как метафорического эквивалента родной земли. Оба символа становятся в произведении выразителями мифологической составляющей национального сознания. Характеризуя своеобразие художественного мышления писателя, следует указать на тяготение А. Тепшеева к философским обобщениям, примечательно и художественное решение образа. «Семантика фольклорного символа нередко противоречива и подразумевает несколько производных от единого образа, обрастая множеством значений и возможных интерпретаций» [2, с. 26].

Специфика национального сознания в полной мере осмыслена в отдельных символических эпизодах романного сюжета. Затрагивая в своем произведении тему трагических событий периода выселения балкарского народа в Среднюю Азию с позиций современного восприятия, писатель обрисовывает ситуацию, когда единственным способом сохранить связь с утраченной родиной становится *оберег* из горсти кавказской земли. Герой Тепшеева Хамзат осознанно вкладывает в него магический смысл, будучи убежденным, что именно сила родной земли позволит ему набраться терпения и выжить в изгнании, научит стойкости и силе духа, даст надежду на возвращение. И вновь художественный символ становится емким выразителем национального сознания. «Стремясь охватить всё многообразие жизни, глубже исследовать менталитет социума, внутренний мир человека, современные авторы обращаются к культурным истокам национальной литературы и в первую очередь к фольклору, в недрах которого заложены основы почти всех жанровых дефиниций» [9, с. 148].

Анализ философско-эстетических основ балкарской эпической прозы подводит нас к обобщающему выводу о том, что концептуальный смысл подобных произведений заключен в стремлении региональных авторов дать на примере художественных символов наиболее четкое истолкование феномена национального характера. Бытие и сознание горца намеренно реконструируются через архетипы, знаки, коды, что позволяет обозначить в целом систему мыслительных и поведенческих координат, характеризующих менталитет народа. Таким образом, художественные произведения способствуют наиболее полному постижению специфики национального сознания, которое, в свою очередь, является неотъемлемой частью и дополнением интеллектуального опыта человечества.

Список литературы

1. Атабиева А. Д. Детская литература // Очерки истории балкарской литературы / под ред. З. Х. Толгурова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010.
2. Болатова А. Д., Гергокова Л. С. Интерпретация числовой символики в карачаево-балкарском фольклоре и литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. 3. С. 26-30.
3. Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. 310 с.
4. Теппеев А. Сыйрат кёпюр (Мост Сират): роман. М., 1993.
5. Толгуров З. Къызгъыл кырдыкла (Алые травы): повести. Нальчик: Эльбрус, 1974.
6. Толгуров З. Акъ жыйрыкъ (Белое платье): роман. Нальчик: Эльбрус, 1983.
7. Толгуров Т. Зейтун Толгуров // Очерки истории балкарской литературы / под ред. З. Х. Толгурова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 808 с.
8. Узденова Ф. Т. Этносимволы в картине мира карачаевцев и балкарцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49). Ч. 2. С. 178-181.
9. Узденова Ф. Т., Сарбашева А. М. Современная балкарская литература: основные тенденции развития // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Ростов-на-Дону. № 5 (147). С. 147-152.

**SYMBOLS AS MEANS OF IDENTIFICATION OF NATIONAL CONSCIOUSNESS
(BY THE MATERIAL OF THE BALKAR EPIC PROSE)**

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for Humanitarian Researches
bolatovaatabieva@mail.ru

The article makes an attempt to analyze various principles of literary reflection of specificity of originally national consciousness through the author's symbolism. The epic prose of the Balkars is chosen as the object of direct examination. In this research the author aims to give assessment of symbolic figurativeness based on the degree of concentration of national content in its semantics.

Key words and phrases: national consciousness; moral-ethic ideal; archetypal image; symbol-object; symbol-phenomenon; epic text; literary component; metaphor; philosophical generalization; realistic prose.

УДК 82-1/-9+82-91+82.0/087.6

В статье рассматривается проблема трансформации прецедентного текста в произведениях массовой литературы – лубочной картинке и фан-фикшн. Сопоставительный анализ сюжета, образов, стиля основного текста в лубке и в произведении фан-фикшн выявляет пути изменения текста при публикации феноменов массовой литературы. Сравнение этих процессов позволяет уточнить жанрово-стилевые характеристики литературного творчества фанатов, которые отражают явление трансферности (маргинальности), а также специфические черты восприятия массовым читателем и автором известного текста.

Ключевые слова и фразы: лубок; фан-фикшн; фанфик; ремейк; массовая литература; прецедентный текст; трансфер.

Булдакова Юлия Вячеславовна, к. филол. н.
Вятский государственный университет
fatalib@mail.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУБОК И ФАН-ФИКШН:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕКСТА В ПУБЛИКАЦИЯХ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Взаимоотношения массовой и элитарной литературной практики часто соотносятся с осмыслением фигуры читателя, его поведения и предпочтений. Опираясь на них, массовая литература пользуется литературными штампами, активно ссылается на литературную традицию. Явная или скрытая основа произведений – известный (прецедентный) текст как в форме сюжетно-композиционных, образных и стиливых штампов, так и в отражении эстетических идеалов эпохи. Стремление к потреблению достижений элитарной литературы в форме классики, образцовых или новаторских текстов рождает необходимость их заимствования и трансформации (адаптации, приспособления) в массовой культуре.